

Л. В. Рускевич, С. С. Стрех

ПРИЗНАКИ РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
В ПРОСОДИИ НЕФИНАЛЬНЫХ СИНТАГМ
В АНГЛИЙСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ БИЛИНГВОВ

Фонетическая интерференция не является новой областью лингвистических исследований, однако значимость этой проблематики не просто сохраняется, но и возрастает в последние десятилетия по причинам, в первую очередь, социального характера. Наряду с очевидными достижениями экспериментальных исследований фонетической интерференции, к которым непосредственное отношение имеет Минская фонетическая школа, остается еще целый ряд вопросов, требующих дальнейшего углубленного рассмотрения.

В частности, проблемой преподавания фонетики иностранного языка даже в лингвистическом университете остается сохранение сформированных в процессе обучения произносительных и, в частности, интонационных, умений в спонтанной речи студентов, поскольку именно владение спонтанной речью на иностранном языке является показателем уровня языковой компетенции. В мире активно проводятся сравнительные фонетические исследования спонтанной речи на материале разных языков, в которых рассматриваются самые разные аспекты: мелодические, ритмические и темпоральные характеристики спонтанной речи, особенности паузации, сегментных характеристик и др. Однако, на наш взгляд, недостаточно изученной является просодия интерферентной спонтанной речи, в частности, реализация в ней типичных просодических моделей иностранного языка. Мы провели фонетический анализ просодических характеристик нефинальных синтагм в речи билингвов, имеющих профессиональное лингвистическое образование, с целью выявления как типичных отклонений, так и сходства просодических характеристик спонтанной речи билингвов и носителя английского языка.

Анализу были подвергнуты записи спонтанных монологов на свободную тему от 5 до 7 минут трех выпускниц лингвистических вузов (двух выпускниц факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ и одной – Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе). Возраст испытуемых – 22–23 года. Затем была осуществлена запись текстов монологов и произведена их просодическая разметка в соответствии с методикой, принятой на кафедре фонетики английского языка МГЛУ. Речь испытуемых сравнивалась с записью интервью британской школьницы 15 лет, учащейся частного католического колледжа в Лондоне, речь которой соответствовала современной британской произносительной норме. Выбор данного носителя языка для сравнения обусловлен, в первую очередь, наибольшей близостью данного носителя по полу и возрасту к испытуемым, привлеченным для данного анализа, из имеющихся в нашем распоряжении носителей. Кроме того, эта школьница, будучи ученицей престижной частной школы, уже отличается достаточно высоким уровнем начитанности и развитой речью без заметных региональ-

ных особенностей. С ней было проведено интервью на тему ее учебы в колледже, которое было записано в студии звукозаписи МГЛУ. Тема интервью заранее не оговаривалась.

Далее записи билингов были предъявлены носителю британского варианта английского языка для определения степени иностранного акцента по следующей шкале: сильный (*heavy/strong*) – средний (*moderate*) – слабый (*mild*) – нативный, или аутентичный, акцент, т.е. акцент носителя языка (*native accent*). В результате акцент первого и второго дикторов был оценен как *средний* (при этом лучшим из двух был признан акцент второй испытуемой). Акцент третьей испытуемой был оценен как *слабый*, но близкий к *среднему*. Очевидно, что, несмотря на кажущиеся удобства и логическую обозримость такой шкалы, для оценки степени иностранного акцента в фонетических экспериментах информантам требуется более дробное деление по степеням, учитывающее большее разнообразие вариантов.

В процессе фонетического анализа мы сравнили потенциальную длину синтагмы/интонационной группы в терминах полнозначных слов, число синтагм, завершающихся паузами хезитации, а также мелодические характеристики завершения нефинальных синтагм по сравнению с финальными. Потенциальная длина синтагм в терминах полнозначных слов всех билингов отличалась от речи носителя языка: если в речи британской школьницы среднее число полнозначных слов на синтагму – 3,4, то в речи билингов – 2,2 – 2,5 слов. Таким образом, синтагмы неносителей языка оказались в среднем в полтора раза короче. Данный показатель отражает, на наш взгляд, трудности при планировании собственной речи неносителями языка, недостаточную уверенность и свободу владения лексикой и грамматикой английской речи. Мы также проанализировали количество синтагм, заканчивающихся паузами хезитации. У носителя языка было отмечено 14% таких синтагм, у первого диктора – 28 %, у второго – 18 %, у третьего – 12 %. Таким образом, прослеживается прямая зависимость уменьшения количества хезитационных пауз от улучшения иноязычного акцента билингов, который зависит от общего уровня владения иностранным языком. Анализ высотнотональных характеристик ядерных акцентов неконечных синтагм показал, что наибольшее расхождение между носителем и неносителями английского языка наблюдается в частотности употребления нисходяще-восходящего тона. Если у британской школьницы 33 % неконечных синтагм завершались неразделенным или разделенным вариантом нисходяще-восходящего тона, то у билингов это число составило от 2 % до 13 %. Наиболее частотными тональными акцентами у билингов были средний восходящий, который двумя дикторами употреблялся в два раза чаще, чем у носителя: 30 % по отношению к 15 %. У первого диктора наиболее частотным тональным акцентом в неконечных интонационных группах оказался нисходящий тон (47 % против 31 % у носителя). Обращает на себя внимание, что интонационные группы, заканчивающиеся паузами хезитации, как у билингов, так и у носителя языка, были отмечены ровным тоном.

Следует отметить, что отдельную проблему при письменной записи текстов полученных от дикторов устных монологов представляло разграничение финальных и нефинальных синтагм. В первую очередь, мы ориентировались на воспринимаемую длину паузы, глубину нисходящего завершения (при его наличии), а также на лексические и синтаксические сигналы. Наибольшую сложность в этом плане представляла речь билингвов, в которой разграничение финальных и нефинальных интонационных групп далеко не всегда представлялось очевидным, прежде всего, в силу избыточной частотности союзов *and* и *but*. В речи носителя языка трудности такого рода оказались минимальны, поскольку она отличалась лексическим, синтаксическим и просодическим разнообразием и, в большинстве случаев, четкой структурой.

Таким образом, проведенный фонетический анализ воспринимаемых мелодических характеристик нефинальных синтагм в интерферентной речи показал, что в них непосредственное отражение находит общий уровень владения билингом иноязычной речью. В дальнейшем планируется проанализировать акустические признаки нефинальных синтагм билингвов по всем параметрам, чтобы уточнить характеристики фонетической формы воспринимаемых просодических характеристик.

А. В. Сытько

ПРОСОДИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФРАЗЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Негативность является одной из важнейших проблем общего языкознания. В лингвистической литературе встречается немало работ, освещающих эту многоаспектную семантическую категорию, которая получает свое отражение на всех уровнях языковой системы как эксплицитно, так и имплицитно. В устной речи существенную роль при этом играют именно просодические средства. *Целью* данного исследования стало рассмотрение особенностей просодического оформления фразы с эксплицитным в немецком языке.

Под отрицанием в лингвистике понимается языковая категория, которая представляет собой выражение с помощью определенных языковых средств негативных связей между понятиями, тем самым отрицание, несмотря на наличие семантической связи между двумя членами предложения, выражает смысловую разъединенность между этими членами. Так, И. П. Сусов полагает, что отрицание является мыслительным актом, предполагающим наличие готовой или почти готовой пропозиции о какой-то единичной ситуации, вносящим в это образование коррективы, обуславливая своего рода «зачеркивание» данного мыслительного образования в целом или же в отдельных его частях. Отрицание, отражая и выражая в языке определенные специфические явления действительности, не выявляет при этом отношения автора высказывания к содержанию высказывания, но подчиняется общему модальному значению высказывания, отмечает М. Н. Николаева.